А. Е. Кидяров

ЯРОСЛАВСКИЙ МЯТЕЖ 1918 ГОДА В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ

Работа представлена кафедрой истории России
Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. М. Белов

В статье анализируются воспоминания очевидцев ярославского мятежа 1918 г. Рассматривается вопрос, каким образом использование этих документов способствует пониманию характера ярославских событий 1918 г., а также реакции на них населения. Введение в научный оборот данной группы источников позволяет уточнить общую картину ярославского восстания июля 1918 г.

Ключевые слова: *мятеж, восстание, Гражданская война, очевидцы, воспоминания*

A. Kidyarov

YAROSLAVL RIOT OF 1918 IN THE MEMOIRS OF EYE-WITNESSES

The article presents the memoirs of eye-witnesses of the Yaroslavl riot in 1918. The author examines in what way these documents help to understand the character of the events in Yaroslavl in 1918 and the population's reaction to them. Bringing this group of resources into usage can help to define the general picture of the Yaroslavl riot of July 1918.

Key words: *riot, rebellion, Civil War, eye-witnesses, memoirs.*

Одним из ярких событий Гражданской войны в России явился ярославский мятеж 1918 г., подготовленный членами Союза защиты Родины и свободы под руководством Б. Савинкова. При изучении июльских событий 1918 г. исследователи в настоящее время имеют возможность опираться на широкий круг исторических источников. На наш взгляд, ценным источником по истории ярославского восстания являются воспоминания рядовых граждан Ярославля, ставших очевидцами мятежа. Они не только содержат фактический материал, помогающий воссоздать целостную картину событий ярославского восстания, но и позволяют понять настроение населения в дни мятежа.

Ряд сохранившихся документов свидетельствует о том, что за некоторое время до начала июльских событий в городе уже были заметны признаки готовящегося восстания. В частности, отмечается появление значительного числа приезжих офицеров в дни перед началом мятежа. Так, продовольственный комиссар Ярославля А. Охапкин отмечал: «О подготовке к мятежу белых было известно недели за две или за три, т. е. стало очень заметным прибытие большого количества офицерства из разных городов, и в одно время один из военных... сообщил... что что-то в Ярославле творится неладное, т. е. концентрируются какие-то неизвестные военные люди...» [4, с. 165]. Член Ревтрибунала К. Терентьев также свидетельствует: «По-моему, слухов было вполне достаточно, и всем нам приходилось слышать в очередях, что скоро коммунистам попадет, но почему-то не предпринимались меры...» [4, с. 44–46]. Однако для большинства простых граждан Ярославля выступление членов Союза защиты Родины и свободы утром 6 июля 1918 г. было неожиданным и произвело неизгладимое впечатление. Это ощущение внезапности отражено в воспоминаниях очевидцев. «День 5-го июля кончался обычным порядком, занятия во всех учреждениях кончились в установленное время, служащие спокойно ра-

зошлись по домам, – вспоминал Е. Лосинов. – Спокойно прошла ночь, да и часть утра часов до 9, только с начавшимся уличным движением стали носиться слухи, что на вокзале происходит какая-то стрельба, но особого внимания на себя пока не обращали. Вдруг часов в 10 сразу в нескольких местах в центре уже города затрещали пулеметы, а в 11 часов или около того раздался первый орудийный выстрел… высыпавшие из всех домов жители увидели, что на синеве неба при ярком солнечном свете появилась пороховая тучка, приблизительно над Власьевским сквером. С этого момента во всех концах города началась оживленная перестрелка, жители не знали, что делать, и метались из стороны в сторону, а главное, не понимали в чем дело» [5, с. 487].

Восставшие стремились привлечь в свои ряды добровольцев. Многие рядовые участники восстания, арестованные после подавления мятежа, указывали на то, что их заставляли примкнуть к антисоветскому выступлению, угрожая насилием. Так, отец одного из участников восстания свидетельствует: «явились вооруженные белогвардейцы… задержали сына... и вместе с другими препроводили в штаб... затем куда-то направили, но он возвратился домой, потом вновь был задержан и… назначен на почту… Уйти он не мог, так как его повторно дважды задерживали, арестовывали и грозили расстрелять» [2, с. 1, 2]. В другом деле читаем: «По показанию Г. Ф. Балашова, он 9-го июля остановлен белыми в Тверицах, отведен в штаб, вооружен и послан на ст. Филино в качестве бойца. …Он был взят белогвардейцами, а не сам явился к ним…» [1, с. 15]. Тем не менее воспоминания очевидцев помогают увидеть более сложную картину. Как отмечает Е. Лосинов, «добровольцам и их семьям обещались пособия, в особенности денежные, жизнь добровольца была застрахована, а также и за ранение семья получала известное денежное вознаграждение, опубликованное в расклеенных воззваниях» [5, с. 489]. Восставшие пытались апеллировать и к сознательности граждан. И. Костылев описывает следующий случай: «...Подходит ко мне один из белогвардейцев и предлагает вступить в ряды белой гвардии со словами: “Что вы такой молодой не идете защищать Ярославль от неприятеля?”. Я ничего ему ни сказал, воротился обратно в подвал и больше не выходил» [3, с. 43].

При этом среди примкнувших к восстанию очевидцами отмечаются представители интеллигенции, офицерства, студенты и гимназисты. По свидетельству Е. Лосинова, «возобновилось отдание чести по чинам, и у всех были погоны и знаки отличия». Белогвардейцы как знак отличия носили георгиевские ленты [5, с. 489; 6, с. 9].

Значительное внимание в данной группе источников уделяется тем лишениям, которым подверглось население Ярославля в ходе ожесточенных боев между восставшими и красными войсками, направленными на подавление мятежа. Воспоминания отражают опыт пережитой простыми гражданами трагедии. В результате интенсивного обстрела города артиллерией красных начались пожары, которые с каждым днем все усиливались. Положение усугублялось летней жарой и отсутствием дождя. «Кроме страха жителям приходилось терпеть и голод, а в большей степени жажду – не было воды, – вспоминает очевидец событий мятежа Н. Бабин. – За водой бегали на далекие расстояния – на колодцы и на Волгу, рискуя жизнью, находясь под пулями. Многие погибли только за ведро воды» [3, с. 45]. После того, как повстанцы были оттеснены от моста через Волгу и от водокачки, город лишился воды. Тушение пожаров прекратилось. А. Божевиков отмечал: «…голодные, измученные и лишенные своего жилища и имущества жители разместились, кто где мог, кто под открытым небом, кто укрылся в домах и подвалах» [3, с. 117; 5, с. 494]. Очевидцы свидетельствуют, что тяжелым положением в городе пользовались мародеры, которые грабили покинутые дома, устроенные жителями тайники и обирали трупы убитых. «Этих хищников развелось тоже порядочно, бывали случаи специального поджога брошенных жителями домов с целью воспользоваться имуществом, или же впоследствии малоценные вещи в

земле оказывались нетронутыми, а лучшие оказывались вырытыми» [5, с. 489].

Документация штаба восстания свидетельствует о том, что гражданское самоуправление, организованное повстанцами, пыталось наладить нормальную работу городского хозяйства, оказывало помощь раненым [5, с. 40, 47, 48]. Это подтверждается и воспоминаниями очевидцев. Так, отмечается, что «раненых и убитых тотчас же забирали в автомобили (санитарные с красными крестами) и увозили в центр города на Варваринскую улицу, где был временно организован лазарет» [5, с. 488].

По воспоминаниям очевидцев, в продовольственных лавках выдавался хлеб и другие продукты (пшено, рыба, масло) по карточкам. «...Мне пришлось вылезать из подвала и идти за хлебом на Б. Линию, где стояла очередь не в одну тысячу человек, – вспоминал А. Божевиков. – В лавках хлеба не хватало, приходилось стоять по два дня, и притом подвергаясь обстрелу из пролетавших снарядов и пуль, готовых убить каждую самую минуту» [3, с. 118]. При этом у горожан появилась тенденция к самоорганизации. Укрывавшиеся в подвалах домов жители выбирали старост, которые, рискуя жизнью, «ходили в очереди и получали под обстрелом продукты за день для всего подвала» [5, с. 489].

Отсутствие достоверных и четких сведений о развитии событий приводило к появлению различных слухов, постоянно тревоживших население. «Слухи носились все время один другого больше, фантастичнее, например, что уже к городу подходит пехота из 10.000 англичан, для которых уже в одном из отделений Штаба, в Госуд. Банке на Варваринской улице, варится обед» [5, с. 489]. «...Были слухи, что белыми взят город… также ходили слухи, что белыми взяты Кострома, Рыбинск и даже Москва и что большевики везде сдаются без сопротивления, так как на подмогу белым идут Англо-Французские войска», – свидетельствует в своих воспоминаниях А. К. Божевиков [3, с. 118].

Подавление мятежа красными войсками сопровождалось репрессиями не только против непосредственных участников восстания, но и против тех, кто только вызывал подозрение. И. Костылев отмечал: «Кто был подозрителен, того отправляли на ж. д. насыпь для расплаты. После этого нас распустили по домам, иду обратно домой, а там нас и не ждали живыми, думали, что нас погнали на расстрел» [3, с. 46].

Интересно отметить, что, по свидетельству очевидцев, «настроение у жителей во все время мятежа было выжидающее, никто не знал, кто идет против советской власти» [5, с. 489]. Следует отметить, подавление мятежа большевиками произвело значительное впечатление на граждан. Так, А. Охапкин отмечает заметную перемену в настроении жителей после разгрома восстания. Если до июльских событий оно было отравлено «благодаря меньшевистской эсеровской демагогической агитации» до такой степени, «что красногвардейцам нельзя было в одиночку и невооруженному появиться в корпусах, т. е. рабочие были чрезвычайно настроены против кр. Гвардии* и большевиков», то после подавления восстания ситуация изменилась. «Теперь что же касается того, как отразилось на настроении населения, то приходится сказать, что лучше всякой агитации. И таковое настолько стало покладисто, что уже не приходилось наблюдать того, что было до мятежа, т. е. ранее идешь и узнавали, что член партии, член Совета, то-то не заговаривайся, иди, а то... в худшем случае изобьют» [4, с. 172].

Обращение к воспоминаниям очевидцев ярославского мятежа способствует осознанию сложного характера ярославских событий июля 1918 г. Эти материалы содержат множество ярких деталей, позволяющих подробно представить жизнь граждан Ярославля в дни восстания. Будучи более свободными от идеологических оценок, чем официальная документация, воспоминания рядовых граждан помогают избежать односторонних подходов в понимании характера ярославских событий. Безусловно, воспоминания очевидцев отличаются субъективностью и носят фрагментарный характер, однако использование их в совокупности с другими документами способствует формированию более достоверной картины ярославского мятежа.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Так в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 102. Оп. 2. Д. 13.
2. ГАЯО. Ф. Р. 601. Оп. 2. Д. 14.
3. Филиал Государственного архива Ярославской области – Центр документации новейшей истории (ФГА ЯО – ЦДНИ) Ф. 394. Оп. 1. Д. 63.
4. ФГА ЯО – ЦДНИ. Ф. 394. Оп. 1. Д. 64.
5. Ярославское восстание. 1918. М.: МФД: Материк, 2007. 704 с.
6. Ярославское восстание. Июль 1918. М.: Посев, 2007. 112 с.

REFERENCES

1. Gosudarstvenny arkhiv Yaroslavskoy oblasti (GAYaO). F. 102. Op. 2. D. 13.
2. GAYaO. F. R. 601. Op. 2. D. 14.
3. Filial Gosudarstvennogo arkhiva Yaroslavskoy oblasti – Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii (FGA YaO – TsDNI) F. 394. Op. 1. D. 63.
4. FGA YaO – TsDNI. F. 394. Op. 1. D. 64.
5. Yaroslavskoye vosstaniye. 1918. M.: MFD: Materik, 2007. 704 s.
6. Yaroslavskoye vosstaniye. Iyul' 1918. M.: Posev, 2007. 112 s.